

Галина Кострова

А ПРОШЛОЕ ВСЕ-ТАКИ С НАМИ...

(Вспоминая поэта-эпоху Владимира Кострова)

*...там, вдали, за рекою кончается век.
Только я переплыл эту реку.*

Владимир Костров

Во времена нашей молодости ходило полусерьезное, полупутливое утверждение: до двадцати лет пишут стихи все, после двадцати — только поэты, а после тридцати — только сумасшедшие. Шестидесятые годы XX века были отмечены невиданным в мировой истории и, видимо, уже неповторимым в отечественной культуре взрывом общественного внимания к поэзии. Стихи тогда, казалось, пишут или пробуют писать все. Но уж читали и слушали их поголовно все. Поэтические вечера собирали огромные залы и даже стадионы. В каждом коллективе, независимо от профессии, создавались литературные кружки, объединения, поэтические студии. Любители поэзии следили за журнальными публикациями, ловили каждое новое имя. И все надеялись на скорое появление нового... кого-то...

В 1958 году в одном из номеров журнала «Юность» появилась большая — целый разворот — подборка стихов Владимира Кострова, сопровождаемая врезкой известного советского поэта Ярослава Смелякова. Ярослав Васильевич Смеляков — личность выдающаяся, можно сказать, легендарная, непримиримая к любой фальши, серьезная и строгая. Его знаменитая поэма так и называлась — «Строгая любовь». И вот этот поэт сказал о стихах двадцатитрехлетнего выпускника Московского университета: «Эти стихи написаны подлинным, очень обещающим поэтом...» Было от чего закружиться самой крепкой голове!

К этому моменту Владимир Костров уже окончил химфак МГУ и успел поработать инженером на заводе в подмосковном Загорске (Сергиев Посад), где, успешно занимаясь научно-исследовательской деятельностью, получил особо ценную поляризационную пленку. Вот это сочетание деревенскости корней с подлинным естественнонаучным, а не филологическим образованием, наверное, и привлекло внимание к нему Мастера.

Владимир Костров прожил в поэзии более 60 лет, теперь ему было бы девяносто... Александр Сергеевич Пушкин, которого всегда беспокоила судьба русских поэтов, с горечью писал в одном из писем: «...но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя следов». Сейчас уже очевидно (прошло три года, как его нет): поэзия Кострова жива, ее помнят, она востребована, несмотря на все вызовы сегодняшнего времени, и может быть, даже звучит сильнее, чем прежде — Время требует того:

Может быть, из стороны нежданной
Я увижу, как в лугах идет
Преданный, распятый и воскресший
Мой народ.

Поэтическая судьба Владимира Кострова, как он сам считал, сложилась счастливо. Стихи его печатались, книги выходили, творчество его находило поддержку у читателей. В 1961 году он стал членом Союза писателей СССР.

В своих стихах он утверждал великую простоту и удивительную открытость любому проявлению жизни: город и деревня, физики и лирики, романтика великих строек и поэзия домашнего очага. И всегда — Россия, Родина. «Россия для поэтов — не просто пространство и время, а судьба, тавро которой не вытравить и не убить», — писал поэт в одной из своих статей. Это было его кредо. Редкий сплав лирического и аналитико-публицистического начал в поэзии Кострова, отмеченный Я. Смеляковым, становится характерной чертой его творчества. В конце 1950-х — начале 1960-х в стране разгорелся спор «лириков» и «физиков». У Кострова в этом споре свое особое место. Он не за «физиков» и не за «лириков», а за «химиков». То есть за людей, умеющих соединять, казалось, несоединимое — он подошел к этой проблеме с позиции красоты, а не с позиции силы.

«Я встретил на Братской рабочую силу, / Она оказалась девчонкой красивой...» («Рабочая сила»).

Поэт как-то сразу, с первых стихов, стал известен. Он много ездил по стране: Братская ГЭС, КАМАЗ, Нурек... великие стройки.

В то счастливое для поэзии время между поэтом и его слушателем всегда существовала обратная связь. Книги и журналы распространялись по всей территории большой страны. И читатели мгновенно откликнулись. Костров получал большую почту, часть ее сохранилась до сих пор. Это очень интересное чтение, эти читательские письма того времени. Они могут рассказать многое: о Времени, о стране, о людях.

Есть соблазн кое-что процитировать. Вот записка из зала на поэтическом вечере: «Дорогой Володя!.. Всегда помним совместные концерты на химфаке.

Выпускники химфака МГУ 1960 года.

С тобой мы идем по вечерней Москве,
Не замечая прохожих,
Парк утопает в зеленой листве,
Никак мы расстаться не можем.
А завтра у нас суровый зачет.
Готовиться будем без сна.
Ночи студенты берут на учет,
Раз уж пришла весна.

В. Костров, 1955 г.»

А вот послание, пришедшее по почте: «Глубокоуважаемый Владимир Андреевич! С вашим творчеством я впервые познакомился в 1963 году, когда прочитал Вашу книгу “Первый снег...” Для меня большая радость, когда встречаю Ваши стихи в периодической печати...

На снимке: супружеская пара Костровых — Галина Степановна и Владимир Андреевич — с писателем Александром Орловым. Г.С. Кострова — редактор с более чем полувековым стажем, из них свыше 40 лет приходится на работу в редакции прозы издательства «Молодая гвардия».

Суворин Михаил Кузьмич, фельдшер Грановской участковой больницы, Винницкая область, Украинская ССР».

«Дорогой В.А.!

Мы помним, как в 1962 (или 63 году) Вы читали в нашем институте стихи “Валькин хахаль...”, а через несколько лет (мы уже работали) Вы читали “В Останкине горели тополя...”. Прочтите их, пожалуйста! Валентин и Анна Егоровы».

«Дорогой Владимир Андреевич! Только что прочитал в № 2 “Юности” Ваши стихи — они обожгли меня и сделали пьяным. Давно я не испытывал такой радости от истинных, простых поэтических строк. И музыка, и чувство, и эти слова, которые будут не раз еще цитировать:

В твои колени, как на плаху,
Седую голову кладу...

Спасибо!

Л. Резников, г. Петрозаводск, 7.III.82.».

«Владимир Андреевич! Я не писатель и не поэт, просто я Ваш земляк — лесник, окончивший Ленинградскую лесную академию...

Выражаю Вам признательность и благодарность за отражение в своей поэзии Вохомских народных песен и частушек! Когда я услышал первый раз в песне слова: “Поиграйте, поиграйте, Вы умеете играть, Вы умеете расстраивать и успокаивать”, — то сказал: “Это мог написать только Вохмяк”, — и не ошибся. Спасибо!
В. Большаков».

Приходили послания и от друзей. «Дорогой Володя! Потрясен твоими последними стихами... Наконец “Литературка” дала настоящий поэтический крик души... Мне особенно запали в душу: “Письмо отцу”, “Водяная мельница” (Плач по водяной мельнице) и “Разбудить опасаясь соседа...” Спасибо! Обнимаю, твой Борис Куняев.12.01.1984».

А вот записка, неожиданно пришедшая из зала на творческом вечере: «Дорогой Владимир Андреевич, пусть не собьют Вас с пути сетования химиков. Вспомните прецедент: химик Бородин стал автором “Князя Игоря”. И от Вас мы ждем, уж, разумеется, не меньше по цеху поэтов. Это реально, если принять во внимание юный Ваш возраст.

О. Волков».

Олег Васильевич Волков, старейший русский писатель, автор романа «Погружение во тьму» и многих других. С Олегом Васильевичем Костров позднее был дружен до последних дней писателя.

С грустью приходится вспоминать об этой радости единения, радостных переключений людей, которые жили тогда одними устремлениями, общими чувствами, радостью узнавания друг друга на бескрайнем русском пространстве.

Поэзия Владимира Кострова лежала через советскую эпоху, и эта эпоха помогла ему понять свои истоки: он всегда писал о своих корнях, «Бог и сияющая природа», как он сам говорил, были ему великие наставники.

Поэт с особым творческим проникновением внимательно вслушивается в природу, чтобы почувствовать ее душу, ее свободу, ее любовь, ее язык:

Воробей, стучащий в крышу,
Дробный дождь в пустом корыте —
Говорите, я вас слышу, —
Я вас слышу, говорите...
Эти травы, эти птицы
На закате и в зените,
Милые твои ресницы, —
Я вас слышу, говорите...

Важным условием творчества было знание жизни своего народа, без этого знания не может состояться ни один художник, считал поэт:

Кровный сын Отчизны этой милой,
Я хочу, чтобы она цвела,
Лишь бы сытость нас не разделила,
Обеспеченность не развела.
Да минуют беды и печали
Каждый колосок родной земли,
Лишь бы в счастье мы не растеряли
То, что в горьком горе обрели...

Владимир Костров много сделал для пропаганды поэзии. Более 40 лет он возглавлял Международный Пушкинский комитет по проведению праздников поэзии. Он был инициатором создания Дня русского языка в день рождения А.С. Пушкина — 6 июня. И с тех пор этот День официально отмечают в стране. Он считал, что поэзия присутствует в нашей жизни везде. Она в геометрии, архитектуре, на всем, что окружает нас; в каждом человеке спит и ждет пробуждения поэт: ненаписанные — есть у всех! — писал он еще в самом раннем своем стихотворении «Первый снег». И стихи должны звучать у нас ежедневно. «Три минуты дайте на телевидении... Ведь у нас в России, люди с малых лет говорят стихами...»

Он был много лет руководителем поэтического семинара в Литературном институте, и некоторые его ученики успешно работали на ниве поэзии.

Под его редакцией к 200-летию А.С. Пушкина вышла Антология «Русская поэзия. XX век», выдержавшая два издания.

Родину свою, свой Костромской край, он любил безмерно.

Он родился 21 сентября 1935 года в деревне Власиха самого северного в Костромской области Боговаровского района. «Это моя родина — тихий и добрый

край, — рассказывал Костров. — Зеленый полуостров, образованный реками Ветлужкой и Вохмой, после слияния именуемой Ветлужгой. Полуостров, пронизанный голубыми жилками речушек со странными и таинственными названиями: Луптюг, Калюг, Рюндюг, Парюг, Ирдом...»

В его стихах много света, русского костромского снега, запаха ветлужских лесов и лугов, множество людей — простых крестьян, много разноликой и шумной родни. Мать и отец. Отчий дом.

И тут, одетый в старый китель,
Давно вдовец, страны заступник и строитель,
Живет отец.
Живут, с эпохой не ссорясь, святым трудом,
Мои печаль, любовь и совесть, отец и дом.
Четыре странные години несли беду.
Четыре красные рябины горят в саду.
И не сдались, перетерпели тебя, война,
Четыре стертые ступени и три окна.

На все жизненные невзгоды у Кострова так же, как у Пушкина и Тютчева, есть один общий ответ — это история своей страны, ее тысячелетняя культура, ее неисчерпаемая красота и духовность. По мнению Пушкина, «история принадлежит поэту». Значит, то, что не было отражено в поэзии, не может быть восполнено в историческом сознании народа, — говорил поэт.

Не всколыхнуть нас легкой волне,
Не объяснить нас логике пошлой.
Тяжеловесны в своей глубине,
Мы на две трети, как айсберги, в прошлом.

Поэт Костров очень любил людей. Поэтически ярко рассказал он о многих творческих личностях — и не только о своих учителях, друзьях, но и о близких себе по духу художниках прошлого — Я. Смелякове, А. Твардовском, Н. Старшинове, Н. Анциферове, В. Белове, С. Есенине, Ф. Тютчеве, скульпторе А. Опекушине и, конечно же, поэте-мессии Пушкине.

В государственном небе Москвы,
В громе славы и бедствий России
Вижу гордый наклон головы,
Горько-черные очи мессии.

Литургически-возвышенно звучат стихи, посвященные памяти выдающегося композитора нашего времени Г.В. Свиридова.

Незримы и невыразимы,
Лишенные телесных пут,
Рождественские серафимы
Теперь Свиридову поют.
.....
Молись и верь, земля родная,
Проглянет солнце из-за туч...
А может быть, и двери рая
Скрипичный отворяет ключ.

С Георгием Васильевичем Свиридовым у поэта были самые добрые, теплые отношения.

«Дорогой Владимир Андреевич! — писал Свиридов в одном из писем, — спасибо за присланную книгу. Лежу я теперь в больнице, читаю ее внимательно. Ближе к этому мне — очень! Душа у Вас — мягкая как воск. Стал было отмечать стихотворения, которые понравились, но их набралось — много... Мне особенно близки

те, в которых лирика перерастает в символ. Например, “Бег белой лошади”. Или — “Пропахла, словно пасека, избушка лесника”, — что за прелесть, — саморастворение. Это русское, идет у нас с Востока, но смешано с православным Христианством, с верой, чуждой идее “самовыражения” личности (любой ценой!)

Здесь же самоумаление, самоуничтожение — “Все во мне и я во всем”, или как самосожжение в “Хованщине” — слиться с миром в пламени, а не выделиться, не отделиться от него. Но это — страдательная черта, страдательная вера! Таков наш удел...

Неожиданен — Плевако (благородный человек, редкость среди его продажно-го состояния). Прекрасна и лирика: “В день и час, когда на Химках...”, “Лунно”, “Первый снег”, “Блины”, “Деду”, “Икона” (ждет!), “Сапоги”, “Земли едва касаясь...” (где Вы так великодушно меня вознесли) и другое...

Будьте здоровы, берегите себя. Русская поэзия теперь на подъеме, хотя подъем этот очень крут! Я — счастлив, и не чувствую себя так смертельно одиноко...

12.XII.1982 г.»

Сейчас мы понимаем (после всего, что с нами произошло), как много исконно русского ушло вместе с советским.

Этот исход начался задолго и постепенно. Самые чувствительные, самые тонкие натуры предчувствовали надвигающуюся катастрофу. У многих писателей, поэтов зазвучала в произведениях растерянность, тревога, боль и отчаяние. Василий Шукшин пишет рассказ «Что с нами происходит?» Рассказ горячо обсуждает вся страна. Люди напоминают друг другу о ценности и хрупкости бытия. Позже появляется повесть Валентина Распутина «Пожар». Юрий Казаков, поразительный лирик, тонко чувствующий Время писатель, задолго до катастрофы сказал: «Время нынче очень уж серьезное. И надо бы нам всем, хоть напоследок, нравственно обняться». Напоследок — значит, мы на краю обрыва. *Нравственно обняться* — значит, молиться друг за друга.

Конечно, в эти годы и поэзия возвысила свой голос, поэты-фронтовики вернулись к теме войны. Владимир Костров пишет одно из лучших своих стихотворений «Мы последние этого века...»

И в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведем.
Мы последние века,
Мы братья
по ладони, пробитой гвоздем...
Так обнимемся, век наш недолог
На виду у судьбы и страны....

Этот мотив звучит теперь постоянно в его стихах:

Дай Родине моей удачи и покоя...

«Молитва простору»

В стихотворении «Памяти Владимира Соколова» он пишет:

Я боюсь, чтобы завтра не прервалась
Меж живыми и мертвыми вечная связь.
Я боюсь двадцать первого века...

Есть ли у нас будущее? Куда мы идем? Вот вопросы самые больные для России, поэт, понимал это остро.

Поток ушедших лет
Мы не переиначим.
Мы можем только что
Глядеть ему вослед.

Над прошлым дорогим
Давай с тобой поплачем.
А будущее где?
А будущего нет.

И еще — обращение к родному человеку:

Полон взгляд тихой боли и страха —
Что тебе я могу обещать?
На пространстве вселенского краха
Обещаю любить и прощать...

Волею Судьбы поэт Владимир Костров ушел последним из своего поколения. Это отметили некрологи в периодической печати: ушел последний поэт поколения 60-х. Он остался, чтобы проводить в последний путь своих товарищей, многих своих любимых людей, друзей. Это было мучительное расставание.

Они уходили стремительно, один за другим.

«За эти годы мы потеряли из памяти больше великих людей, чем во всякое иное время, — писал горестно его товарищ Валентин Курбатов. — Прекрасные умы, блестящие таланты, редкие люди уходят в небытие, порой даже кажется, что какая-то злая сила насильно сталкивает их в него...»

А поэт Геннадий Красников, признанный летописец русской поэзии, отмечал, что с уходом замечательных наших поэтов все сиротливей и сумрачней становится в этом непоэтическом мире, и все более одинокой и по-своему трагической предстает фигура Кострова в современной литературе...

Владимир Костров до конца дней своих сохранил ясность ума — и свое предназначение сохранил для служения поэзии. Он ни разу не изменил себе, несмотря ни на какие катаклизмы. Все думы его до последнего мгновения были о судьбе Родины и русской поэзии.

В одном из своих последних интервью Костров сказал: «Многое из нашей жизни ушло, мы становимся не людьми высокого закона правды, а какими-то уголовниками в обществе, где “закон-тайга”. Абсолютная свобода художника представляет из себя разложение. “Разлагается” не только сам художник, но и читатель. В природе существуют некие константы — скорость света, квант действия. Такими же константами должно быть добро и зло. Вечная борьба поэзии — борьба со злом. Бог и дьявол борются за душу человека, и, кажется, последний побеждает. Но всегда проигрывает в главном. Что-то последнее у нас остается. Быть может, совесть... Будить совесть — задача поэзии. Поэт — “он весь — дитя добра и света”. Он во все века “милость к падшим призывал”. Эти заветы классиков мы и должны передать следующим поколениям».

Я так скажу и на краю могилы:
О, возродись в душе, благая весть.
Бессилья нет.
Есть лишь смятенье силы.
Бесчестья нет. Есть поправная честь...
...Что выгорело, все засею снова.
Есть поле, и работа, и судьба.
И протрубить покуда не готова
Архангела последняя труба.

